Игорь
ПАНТЮХОВ

Окончания наших разлук

Избранные стихотворения

Литературный фонд
«Август»
основан в 1992 году

ББК 84 (2Рос-Рус) 6–5
П-166

Издание посвящается
75-летию поэта
Игоря Михайловича Пантюхова
(18.12.1937–31.03.2009)

Главный редактор —
В. Е. Тихонов.

Редакционная коллегия:
выпускающий редактор —
С. Е. Клюшников,
технический редактор —
О. В. Тихонова,
редакторы-рецензенты —
Пантюхова Т. М.,
Сафронов В. А.

Окончания наших разлук.
П-166 Книга избранных стихотворений И. М. Пантюхова
(ЛФ «Август», № 49, 2012 г. — 104 стр., 1000 экз., илл.).
Графика из книг И. М. Пантюхова —
художники Ю. М. Синчилин и Б. Н. Лупачёв.
1 стр. — живописное произведение члена Союза художников России В. В. Конькова «Какой он всё же — океан…» (к., м., 48 х 39, 2008 г.) с дарственной надписью: «Поэту Игорю Михайловичу Пантюхову в благодарность за его творчество».
2–3 стр. — фотографии из семейного архива Пантюховых.
4 стр. — книги поэта И. М. Пантюхова

© И. М. Пантюхов, наследники, 2012 г.,
© ЛФ «Август», 2012 г..

Новые встречи с поэтом

Жизнь и творчество известного поэта Игоря Михайловича Пантюхова — пример высокой нравственности и совестливости. Он — достойный представитель своего времени. Вот почему я очень рад изданию книги его избранных стихотворений «Окончания наших разлук». Большое спасибо за деятельную памятливость и патриотическую целеустремлённость литературному фонду «Август».

На рубеже 50–60-х годов прошлого века основу романтико-патриотических воззрений молодёжи Алтайского края составляли общественно-политические явления и прежде всего — целинная эпопея. Затем небывалый энтузиазм и гордость за свою страну вызвали полёты в космос Юрия Гагарина и — нашего земляка! — Германа Титова. Весь мир рукоплескал им — ярким представителям советской молодёжи.

В эти же годы в Алтайском крае высокого общественного признания удостоилась работа комсомольских организаций по установлению шефских связей с кораблями Балтийского флота. Её суть состояла в том, чтобы готовить и направлять по комсомольским путёвкам для службы на Балтийском флоте своих лучших представителей, при этом поддерживая их словом и делом. Регулярный обмен делегациями, взаимные отчётные рапорты, социалистические соревнования между трудовыми коллективами и экипажами кораблей явили собой достойную школу военно-патриотического воспитания.

Инициатором и вдохновителем этого незабываемого движения был отец Игоря Пантюхова — балтийский матрос-большевик Михаил Осипович Пантюхов. Несомненно, такое обстоятельство сыграло огромную роль во всей последующей жизни и творческой деятельности будущего поэта.

Мы с Игорем ровесники. Наши трудовые биографии начинались одинаково — с участия в освоении алтайской целины: он — в Кулундинском районе, я — в родном Панкрушихинском. И политические воззрения наши практически идентичны. Поэтому мне близки и понятны мотивы крутых поворотов в его судьбе, глубокая и утончённая философия его поэзии…

С 1965 года я, избранный секретарём Алтайского крайкома ВЛКСМ, наряду со многими своими обязанностями отвечал и за развитие шефства комсомольских организаций над кораблями Балтийского флота.

Помню, первым делом я напросился на встречу с Михаилом Осиповичем Пантюховым, чтобы посоветоваться с ним по ряду вопросов. С той поры наше общение — дружба и сотрудничество — не прерывалось.

В те годы шефская работа имела государственный размах и звучание. Аспекты шефства над флотами периодически обсуждались на совещаниях у главкома ВМФ СССР адмирала Горшкова и командующего Балтийским флотом адмирала Михайлина. Они, давая комсомолу Алтая неизменно высокую оценку, призывали нас не останавливаться на достигнутом. Вот почему мудрые, а нередко и жёсткие советы Михаила Осиповича очень помогали нам в расширении и укреплении шефского движения.

Флотская служба давала молодым людям серьёзную — определяющую — основу для их дальнейшей жизни. Адмирал Горшков не раз говорил на встречах с нашей делегацией, что только у Алтайского края шефство поставлено на самую серьёзную основу: «Шефов много, но по-настоящему шефствует только Алтайский край! Алтайские парни являются образцом для подражания. Ни один из них, кроме патриотизма, профессионализма и верности воинскому долгу, ничего другого не проявил».

Не все знают, что кроме крейсера «Свердлов» наших ребят направляли на службу и в бригаду ракетных кораблей, которая уверенно сдерживала 6-й флот США в Средиземноморье. Это была очень суровая и ответственная служба.

Комсомольские активисты в течение нескольких десятилетий чуть ли не ежедневно собирались в барнаульской квартире Пантюховых, чтобы советоваться и принимать взвешенные решения по флотской тематике. Ныне, по прошествии полувека, я удивляюсь и восхищаюсь: как такие комсомольско-флотские нашествия выдерживала мама Игоря Пантюхова — наша дорогая и любимая Дина Борисовна!.. То шумное и бурное общение, дискуссии о долге и чести оставили неизгладимый след не просто в нашей памяти, а в характерах и душах. Заводилой тех незабываемых встреч был

Михаил Осипович Пантюхов. Конечно, всё это повлияло на формирование основ личности Игоря, который очень любил своего отца и гордился им.

Думаю, именно поэтому он и поехал на целину, где, как говорится, отпахал своё. Да, он не мог оставаться в стороне, когда тысячи сверстников со всего Советского Союза приехали на Алтай поднимать целину и вообще помогать нам обустраивать жизнь во всех её проявлениях.

После этого у него была учёба в Барнаульском строительном техникуме. Потом журналистика — многотиражка «Строитель» треста «Стройгаз» и краевая газета «Молодёжь Алтая», в которой в 1955 году состоялась его первая поэтическая публикация.

Вскоре он пошёл добровольцем для прохождения срочной службы на крейсере «Свердлов», ведь тысячи юношей Алтая по зову его отца отправились выполнять свой воинский долг именно на корабли Балтийского флота. Впоследствии, демобилизовавшись, Игорь Пантюхов неоднократно участвовал в многомесячных рыболовецких рейсах в Балтийском и Северном морях, в Атлантическом океане…

Полагаю, во многом из-за такой закалённой целеустремлённости он (в ущерб собственной творческой деятельности!) согласился возглавить Алтайскую краевую организацию Союза писателей России (1982–1985 гг.), а затем альманах «Алтай» (1989–1993 гг.), преобразовав его вскоре в журнал. И так было во всём, за что он брался, куда, как говорится, впрягался. Кстати, думаю, что во многом из-за особенностей своей биографии — работа на целине, служба на флоте, учёба в Литературном институте и на Высших литературных курсах в Москве, руководство (1968–1974 гг.) Калининградской писательской организацией — он взялся за поэтические переводы с армянского, таджикского, белорусского и других языков.

Конечно, многолетнее и постоянное общение с представителями разных национальностей стало поводом для такого рода литературной работы. Более того, стихи Игоря Пантюхова переводились на литовский, датский, польский, белорусский и другие европейские языки. Вот так братство народов проявлялось в крепкой дружбе и душевном сотрудничестве поэтов.

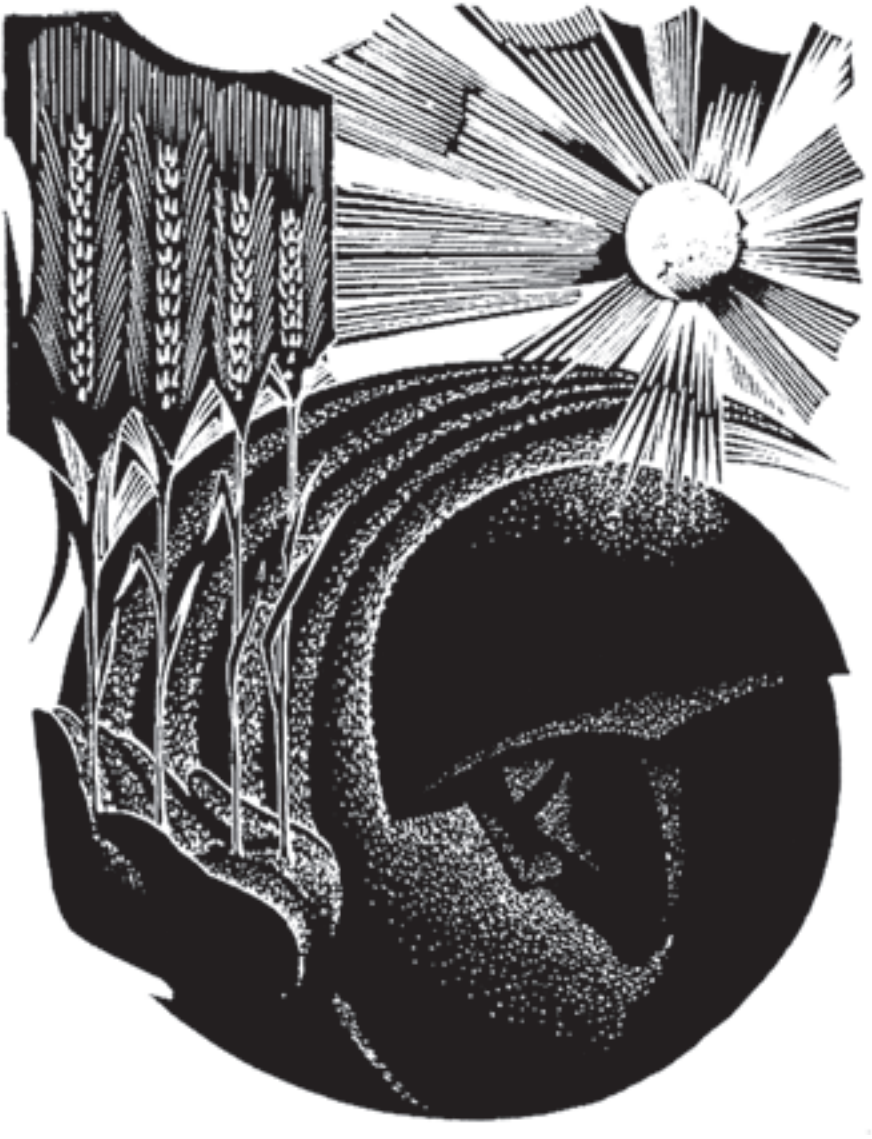
Всё творчество Игоря Пантюхова пронизано мотивами благородства и крепости человеческого духа. В своих произведениях он словно излагает программу собственного жизненного поведения, и она, надо признать, ни разу не опустилась ниже тех высот, которых он достиг в поэтическом творчестве. В этом его величие как гражданина и поэта.

Едва ли стоит подвергать сомнению утвердившееся мнение о том, что морская служба, Балтика, мировой океан стали главными источниками поэтического вдохновения Игоря Пантюхова. Но не всё здесь однозначно, поскольку зову родной алтайской земли всегда трепетно внимал поэт-маринист. В стихотворении «Ты послушай!» он признаётся:

…Мне пришлось много дани отдать целине,
А потом бить поклоны балтийской волне,
Но я слышал в гудящей от стали броне,
Как ночами пшеница растёт в тишине…

Такое признание говорит о многогранном поэтическом устремлении Игоря Михайловича, его сыновней верности родной земле. И замечательно, что благодарные земляки помнят и чтят поэта и общественного деятеля Игоря Михайловича Пантюхова. Подтверждение этому — ставшие ежегодными краевые Пантюховские чтения и издание в нынешнем году трёх книг: двух под редакцией моряков-балтийцев — документально-публицистическая книга Алексея Кобелева «Пантюховы» и книга о жизни и творчестве Игоря Пантюхова «Горнист, играющий «Зарю» под редакцией Владимира Казакова — и книги его избранных стихотворений «Окончания наших разлук».

Виталий Сафронов,
руководитель фракции КПРФ
в Алтайском краевом
Законодательном собрании.



МОЙ УЧИТЕЛЬ

Л. А. Спицыну

Ни в обычных делах,
ни в дорогах и странствиях дальних,
мой учитель,
с тобой развести нас не смогут года.
Будет много звонков —
телефонных, трамвайных, вокзальных,
только школьный
однажды
для нас отзвенел навсегда.
Были мы озорны,
непослушны, порою упрямы.
Разве знал я,
один из десятков твоих сыновей,
что программа судьбы —
продолжение школьной программы
и что жизнь моя станет
продлением жизни твоей?
Я умнею, взрослею,
а ты — и умнее и старше.
Всё вперёд и вперёд
ты зовёшь меня издалека.
Я иду за тобой
и не знаю привалов на марше.
Мне ещё далеко
до последнего в жизни звонка.
Всё, что сделано мной,
всё, что я одолею,
посею,
построить смогу, —
я тебе посвящу, и окажется всё-таки мало.
Я останусь в долгу пред тобою,
останусь в долгу…

***

Давай я тебя нарисую
без брошек,
серёжек,
колье,
без белых сапожек — босую,
берущую воду в ручье.
Давай я тебя изваяю
без шляпок
и модных пальто –
такою,
какою я знаю
и больше не знает никто,
какою встаёшь спозаранку,
покинувши руку мою.
Давай я тебя, хулиганку,
влюблённо в стихах воспою?
Давай!..
Я берусь и — немею,
о чём-то неясном скорбя…
Я всё это сделать сумею,
когда потеряю тебя.

***

Нет, не вернусь я больше во вчера,
В тот серый дом в тенистом переулке,
Где падали из окон до утра
Осколки рок-н-ролла в Барнаулку,
Где рады мне, где я когда-то был
Своим от кепки до подошв ботинок,
Где тишину отчаянно дробил
Усталый скрип истёршихся пластинок,
Где так легко судилось за вином
О нашем поколенье «неудачном», —
За чёрным занавешенным окном
Казался мир холодным, грубым, мрачным…

О молодость! Возьми себе в вину
Тех ослеплённых заблуждений бремя,
Тот рок-н-ролл, убивший тишину,
То в рюмки расфасованное время.

Чтоб каждый час работой оживить,
Мне много, трудно довелось учиться…
Хочу всем сердцем тех остановить,
Кто и сейчас в тот серый дом стучится.

ПОЧТИ НОВОГОДНЕЕ

Ваш стол бокалами заперезвонится,
И песня вскинется, да в два крыла…
Ну а ко мне опять придёт бессонница —
Впорхнёт Снегурочкой: «Вот — я пришла…»

Её как гостью я приму желанную
И шубку белую с плеча сниму:
«Хоть ты холодная, хоть ты нежданная,
А всё ж теплей вдвоём, чем одному…»

Да, мы и в праздники бываем разными —
Немало есть тому причин.
Давай по-своему с тобой отпразднуем —
Всё-всё до косточки перемолчим.

Молчанья светлого, нет, не нарушу я —
Последним не был я среди мужчин.
Перемолчим с тобой любовь минувшую,
Друзей потерянных перемолчим…

Всю ночь прощальное течёт молчание.
Вдвоём — молчание и человек.
Как всепрощение, как завещание
На окна сонные ложится снег…

ПЕРВЫЙ ШТОРМ

Бил валом чёрным,
Бил белым снегом,
Он звался Штормом,
Я — Человеком.

Он кошкой тёрся,
Он бил накатом.
И мок, и мёрз я,
Но глаз не прятал.

В той крутоверти
Волною каждой
Он — жаждал смерти,
Я — жизни жаждал.

Седой, угрюмый,
Он бил всё ниже…
Он — сник и умер,
Я — встал и выжил.

Устал я очень,
Но в новой встрече
Он будет — кротче,
Я буду — крепче.

ХЛЕБ

Дань отдаю не праздничным столам,
А дням, слезами вдовьими богатым.
…Хлеб Родина делила пополам:
Паёк — нам, детям,
и паёк — солдатам.

Тогда мы догадаться не могли,
Что стоила отцам о нас забота:
Ведь если сухари в посылках шли,
То, значит,
не пришёл из боя кто-то.

Посылкам этим не было цены —
Они окопов запахи держали.
Поэтому, наверно, пацаны —
Мои погодки —
рано так мужали.

Быть может, потому я и окреп
И с малых лет привык к любым работам,
Что в детстве ел один с солдатом хлеб,
Пропитанный
и порохом
и потом.

К ЛУННЫМ МОРЯМ

Не в космос, а в иные дали
Шли курсом наши корабли,
И там сердцами испытали
Мы притяжение земли.

Класс обучения начальный
Прошли под бой колоколов,
На крыльях качки многобальной
И в сурдокамерах котлов.

Нам под дождями и снегами
Землёй и тренажёром был
Ходящий круто под ногами
Смолёный палубный настил.

Скафандрами крепчайшей пробы,
Спасавшими в мороз и зной,
Нам стали стираные робы
С кусочком неба за спиной.

Буруня Млечный Путь винтами,
К тебе
            и от тебя,
                Земля,
Мы шли,
            и плыли за бортами
Созвездий спелые поля.

В ДАЛЬНЕМ КВАДРАТЕ

Старпом был скуп, рассказывая нам,
Как здесь в разгаре боя
на закате,
Дым расстилая шлейфом по волнам,
Пошёл ко дну
изрешечённый катер.

Шесть моряков:
двенадцать сильных рук,
Двенадцать глаз, погашенных жестоко,
Шесть овдовевших горестных подруг,
Шесть русских матерей, седых до срока.

Закрыло море этих моряков
Тугой волной
и похоронным списком.
Сюда никто не принесёт венков
И место не отметит обелиском.

Да он, пожалуй, и не нужен им —
Пусть только небо мирное над ними!..
Давай, товарищ, тихо постоим.
И помолчим.
И бескозырки снимем.

ВИНО ЛЮБВИ

Я большими глотками пью белую ночь
и пьянею,
грустя об одном:
как мне тысячи вёрст до тебя превозмочь
с этим необычайным вином?
Чтобы выпила ты,
чтоб придумала ты,
как порвать заколдованный круг,
чтоб сошлись,
как сейчас над Невою мосты,
окончания наших разлук.
Всё пьяней и прозрачнее белая ночь,
всё сильней она хлещет в окно…
Приходи.
Помоги.
Мне впервые невмочь
одному пить такое вино…

НАШЕ ЛЕТОИСЧИСЛЕНИЕ

Михаилу Борисову

Мы к погонам привыкали не в строю.
Мы к погонам привыкали
по вагонам,
кипятком и сухарём давясь солёным,
пацанами шли в солдатскую семью.
Лучшим праздником казалась тишина,
и подарка было большего не надо,
чем нечаянный осколок рафинада,
что протянет ненароком старшина.

Всем делились с нами,
только не судьбой…
Время напрочь смыло станции и даты,
но забыть ли мне, забыть ли,
как солдаты —
в полном смысле — прикрывали нас собой.

Под бомбёжками шальными по ночам,
ничего ещё не зная про Уставы,
покидая опустевшие составы,
мы в кюветах жались
к их большим плечам.

А потом,
когда и мне пришла пора
отходить своё в морских тревожных далях, —
грудь четвёртого,
грудь боцмана в медалях
возвышалась справа как Сапун-гора.

Нынче много на планете тишины,
нынче — новое в погонах поколение,
но ведём своё мы летоисчисление
не от дней рожденья наших —
от войны…

***

Обернулось былое — небылью,
Всё причаленное — отчалено.
И тебя в моей жизни не было —
Я придумал тебя нечаянно.
Просто вечер,
Грозой поваленный,
Ослепил,
А утихла гроза —
Из-за туч
С голубой проталины
Вдруг сверкнули твои глаза.
Просто лес,
Немотой измотан,
Ожил вдруг,
Тишину разметал
И к утру твоим голосом что-то
Очень нежное прошептал.
Просто образ твой
Тенью ивы
На песке проявила луна,
И его,
Накатившись лениво,
В неизвестность смахнула волна…

***

Ты знаешь, как солнце встаёт в океане? —
Сначала на синем бескрайнем экране
Займётся полоска зари,
И волны, проснувшись в прозрачном тумане,
Вдруг вспыхнут,
Как будто на зимней поляне
Встряхнулись от сна снегири.
Ещё горизонт неотчётливо узок,
Ещё безотчётного с ночью союза
Не рвёт океан, но дрожит —
Дрожит, как под гнётом незримого груза,
А солнце алеющей долькой арбуза
На краешке неба лежит.
Всего только долькой, невзрачным довеском,
Зари золотой неустойчивым всплеском,
Но вдруг — не поймёшь отчего —
Качнёт океан горизонтом нерезким,
И солнце оранжевым мячиком детским
Уже на плече у него.
Шальная волна плавники к нему тянет,
Спешит погасить,
Да никак не достанет
И катится вспять на меня…
Я буду всю жизнь благодарен моряне
За то, что будила меня в океане
На праздник рождения дня.

КРИТИКАМ В. М. ШУКШИНА

О, как они его одолевали,
Как врозь и вместе дружно поливали,
Как чью-то волю властную вершили, —
По-хватовски умело «дело» шили,
Что, дескать, он, из мест родных уехав,
Не видит сногсшибательных успехов,
Стал снобом, оторвался от земли…
Как будто бы они в неё вросли!

И далее, как по сердцу ножом:
Таким, мол, место там — за рубежом!..
И невдомёк им, что трудней втройне
Быть эмигрантом в собственной стране,
Где издают, порой в кино снимают,
А вот души твоей не понимают,
Не знают, как вести героев в книги,
Влача запретов тяжкие вериги.

Им не понять, хоть в голос голоси я,
Что чудиками и жива Россия,
Что есть бесспорно истина одна:
На «странных людях» держится страна!
Да что же я тащу их из рутины,
Тех критиков, упрямых как кретины, —
Живущих, мелко льстящих власть имущим —
А их ещё так много в мире сущем!

Никто и не запомнит этих «судей»,
Но живы, живы «маленькие люди»,
Встающие к трудам насущным рано,
Глядящие на нас с телеэкрана…
Один вопрос с их уст никак не сходит:
«Да что же, что же с нами происходит?..»

МОРЮ

Иду
с тобою на сближение
За годом год.
За днями дни.
Ловлю,
ловлю твоё движение,
Что бегу времени сродни.
Всё кажется:
вот-вот
откроется
И красок смысл,
и волн исток,
Но миг —
и краски ветром смоются,
И волны
смешаны у ног,
И надо начинать сначала
К твоим разгадкам
долгий путь.
…Наверно,
жизни будет мало,
Чтоб соль твою познать
и суть.

***

Что же в этом мире изменилось?
Я ушёл, прикрыв тихонько дверь…
Почему ты раньше мне не снилась
Никогда так часто, как теперь?

Издалёка всё манишь куда-то —
Так зазывен, так тревожен взгляд…
Ты ли в чём-то дальнем виновата,
Я ли в чём-то близком виноват?

Я ломаю замки и границы,
Те, что были днём возведены,
И прошу: ну перестань мне сниться, —
Утром нестерпимы эти сны!

Целый день брожу я как в тумане,
Солнца нет, домов и улиц нет,
И, боясь, что ночь меня обманет,
Я пораньше выключаю свет.

И опять другие меркнут лица,
Ты опять зовёшь на край земли…
Умоляю: перестань мне сниться
Или — просыпаться не вели.

***

Солнце только что встало —
горит вдалеке, как маяк,
не большое светило,
а робкое детское солнышко…
Справа, 40 по курсу,
идёт за удачей «рыбак» —
разбитное,
калённое ветром и солнцем судёнышко.

К полдню шторм обещают,
но нам этот шторм нипочём.
Ветер вытащил тучи
и взялся их перелопачивать.
Разыгрались барашки,
волна обнажённым плечом
начинает наш крейсер
всё круче и круче раскачивать.

Справа, 40 по курсу,
не видно уже «рыбака»,
только изредка вырвется мачта
летящим распятием
и исчезнет опять.
На минуту?
На час?
На века? —
очень трудно бывает
расстаться с зелёным объятием.

Но мелькает на гребнях
как призрак из пены и брызг
терпеливый трудяга,
искатель,
старатель улова…

…Я вот так же: взлетаю,
карабкаюсь,
падаю вниз
и ищу в глубине
из сетей уходящее слово…

КАРТИНА

Анатолию Бондарю

Он в это утро чем-то был расстроен,
Такое не случалось с ним давно, —
И мрачные мазки ложились роем
В деревья на большое полотно.

Неделю он провёл в каком-то сплине,
И кисть почти не трогала рука.
И только лёгкой стаей по долине
Ленивые поплыли облака.

Работа приближалась к завершенью,
В багет одели «Горную весну»,
Но не хватало полотну движенья,
Дыханья не хватало полотну…

Художник, как всегда в халате синем,
Ходил вдоль стен, в раздумье погружён,
Когда его с новорождённым сыном
Поздравил запылённый телефон.

Вдруг позабыв соседей наставленье,
Что нужно где-то раздобыть букет,
На плечи скал он начал в исступленье
Набрасывать пылающий рассвет…

И заиграла красками картина,
И зажурчала, ожила весна…
Художник посвятил картину сыну —
«Рожденье» называется она.

ТЫ ПОСЛУШАЙ!..

Ночь стояла по пояс в высоких хлебах,
Тёплый ветер
нагревшимся полем пропах.
Я лежал, засыпая, и чудилось мне:
Слышу я,
как пшеница растёт в тишине!

Мне пришлось много дани отдать целине,
А потом
бить поклоны балтийской волне,
Но я слышал
в гудящей от залпов броне,
Как ночами
пшеница растёт в тишине.

Мне по-щедрому радости было дано,
И беда мне не раз постучалась в окно,
И тогда-то
мне было нужнее вдвойне
Вспоминать,
как пшеница растёт в тишине...

Люди, люди!
Зачем мы друг другу подчас
Не прощаем обид?
Кто-то должен из нас
Первым точку поставить
в ненужной войне
И сказать:
— Тыпослушай,
пшеница растёт
в тишине!..

***

Между двух задумавшихся клёнов,
Где на нитке солнца шмель дрожит,
Груда ржавых боевых патронов
Мёртвым муравейником лежит.

Чуть в сторонке —
в землю вросший ящик.
На его изъеденной щеке
Чёрной краской:
год, калибр и смазчик —
Надпись на немецком языке.

Рад я той неведомой причине,
По которой двадцать лет назад
Не дошли патроны
до лощины,
До окопа, где их ждал солдат,
До руки намётанной солдата,
До обоймы чёрного кольца,
До горячей глотки автомата
И до сердца
моего отца.

***

Говорят,
От слёз рыбачек
В море солона вода…
Старый боцман мне иначе
Объяснил:
«Не в том беда.
Это, братец,
пот матросский,
Что веками в море лил
Из-под нашей робы жёсткой,
Воду так пересолил…»
Не вопроса ради праздного
Я спросил его тогда:
«Почему же, дед,
не красная
В море до сих пор вода?»
Понял дед и — как отрезал:
«Кровь матросская на дне.
Слишком много в ней железа,
Чтоб держаться на волне…»

МОРЕ

Удачами не балуешь готовыми,
Не оставляешь без торгов ни дня.
Какими неразрывными швартовами
Ты приковало накрепко меня!

Ласкаешь ветром и дождём без жалости,
Рвёшь календарь неделями разлук,
А я плачу тебе за эти шалости
Свинцовостью гудящих к ночи рук.

Даришь штормов неистовые хлопоты,
Неукротимость древнюю свою,
А я тебе без меры и без ропота
И праздники, и будни отдаю.

А завтра — встречи с гомоном весёлым…
И вдруг за шумным праздничным столом
Покажется томящим и тяжёлым
Дремотное квартирное тепло.

И всё не так,
И мир какой-то мёртвый,
И смутная тоска стучит в виски…
И сам не разберёшь, какого чёрта
Так душу рвут буксирные гудки!

***

Несётся жизни голубой экспресс,
Отсчитывают стыки дней колёса.
Мелькают мимо окон
Судеб лес,
Обид рогатки,
Радостей колосья.
Рассвет приходит —
Не успеешь лечь,
То в буре дел,
То в спорах бесполезных,
То радостный —
На полустанках встреч,
То пасмурный —
В разлуках на разъездах.
Оглянешься,
А проводница-ночь
Уже обносит чаем, беспокоясь,
А следом входит,
Сон отбросив прочь,
Неумолимым ревизором совесть:
«Куда?
Откуда?
Сколько едешь лет?
Чем день ушедший
Сделал ты приметным?..»
Уговоришь её,
Проткнёт билет,
А кажется, что едешь безбилетным…
Вот тридцать пятый промелькнул разъезд,
Дни падают на шпалы
Как подранки…
Несётся жизни голубой экспресс,
И так легко
Отстать на полустанке…

***

Я на холодной палубе лежал,
Сосульки-звёзды надо мной повисли,
Чуть слышный ветер
Чётко обнажал
Слова и чувства,
Голоса и мысли.

«Неблагодарность…» —
В комнатном тепле,
Мечтая о космическом кружении,
Готовим расставание Земле,
Держащей нас
Всей силой притяжения.

«Любовь…» —
Она для каждого своё
Прозренье в жизни, красоте, искусстве,
И всё-таки не знаем мы её,
Не отойдя на расстоянье грусти.

«Надежда» —
Компас, вплавленный в сердца,
Вернуть утраты зыбкая возможность,
Но тот в неё поверил до конца,
Кто, выстояв,
Прошёл сквозь безнадёжность.

ЖЕТОН «ЗА ДАЛЬНИЙ ПОХОД»

Знать, мне судьба
Дала в дорогу посох
и отучила думать о тепле.
На крыльях,
на ногах
и на колёсах
я день и ночь мотаюсь по земле.

Я не устану,
не собьюсь,
не слягу!..
Но вдруг такое станется в пути,
что, кажется,
уже не сделать шагу
и грамма на плечах не пронести

и, кажется,
в груди не сердце — камень,
дороги нет,
дела идут не так…
Тогда я непослушными руками
развязываю не спеша рюкзак

и достаю жетон* —
кусочек моря,
стараясь волн с него не расплескать:
на нём корабль и флаг морской,
который
я не имею права опускать!

---

*Жетоном «За дальний поход» награждают военных моряков, участвовавших в походах на расстояние свыше 16 тысяч миль.

БУНТ

«Когда бунт погасили, воспитатели и охрана увидели печальное зрелище: в школе не осталось целых вещей. Но один нетронутый и живой остров был в хаосе разгрома: музей Шукшина».

Олег ЛОГИНОВ. Очерк «Колония»

Разбуянилась шпана,
раздухарилась,
Слово за слово
и — пальцы на кадык.
И такая заваруха заварилась —
Хряск и стон,
и вой, и мат,
и дикий крик…
Робы — в клочья,
и пошли гулять скамейки
По стриженым бестолковкам и хребтам,
И по стенам поползли
багрово змейки,
И охрана засновала тут и там…
Но не сразу их разняли,
нет, не с ходу
Усмирили пацанов,
вошедших в раж,
Словно каждый смертно дрался за свободу —
За неё,
познав неволю,
всё отдашь!
А заводятся они
с пол-оборота,
Я-то знаю,
сам из племени «шпана»…
И смотрел
на этот бунт
незримый кто-то
Удручёнными глазами Шукшина.

К МОРЮ

Вечером, когда я засыпаю,
Вижу ясно я свою мечту —
Море без начала и без края,
Шум прибоя слышу я в порту.

Бьются волны о прибрежный камень,
Чайки над ленивою волной,
И как будто белыми крылами
Всё зовут умчаться за собой…

Ты прекрасно, море дорогое,
На душе отрадно у меня,
Слышу всплеск вечернего прибоя,
Вижу свет рыбацкого огня.

Ты бушуешь гневно и сурово,
Вал за валом дыбится горой,
И тобою я любуюсь снова,
Как своей невестой дорогой.

Бьётся сердце в радостном угаре,
Запах моря вновь зовёт меня,
Я хочу с любимой на байдаре
Нетерпенье волн твоих принять.

Не зови меня, родное море,
Не пугай причудами стихий.
Мы с тобой когда-нибудь поспорим,
Для тебя я напишу стихи.

Ты каскадом брызг меня приветишь,
Криком чаек, всплесками волны
И на все вопросы мне ответишь
В сонный час полночной тишины.

Я подставлю грудь, лицо и плечи
Ласкам необузданным твоим,
И при этой бурной, тёплой встрече
Обо всём с тобой поговорим.

Ты расскажешь о далёких странах,
О своих красивых берегах,
О судах торговых караванов
И о заграничных городах.

Расскажу я об Алтае горном,
Где стоит столетняя тайга,
О сибирских голубых просторах,
Где лежат бескрайние снега…

И тебе, как дорогому другу,
Расскажу, что в сердце я ношу, —
Про свою любимую подругу
Я тебе при встрече расскажу.

КАМЕНЬ У ДОРОГИ

«Неизвестный солдат…» —
Я руками
Прочитал —
мне мешала трава...
Со щеки придорожного камня
Горькой вязью стекали слова.
Словно было на камне им тесно,
С камня буквы срывались почти…
Как же стал тот солдат
«неизвестным»,
Как он смог в безызвестность уйти?
Разве хлеб не российская нива
На дорогу солдату дала?
Разве та, что живёт сиротливо,
Безымянного с фронта ждала?
Кто сказал, что солдат
неизвестен?
Он известен на все времена,
Только имя — в Полесье иль в Бресте, —
Только имя забыла война.
Я-то помню солдата отменно,
Помнить буду, покуда дышу.
Я сюда ворочусь непременно
И своею рукой напишу,
Что на этом
затерянном месте
Много зим,
много вёсен назад
Камнем стал
мой пропавший без вести,
До сих пор не вернувшийся брат.

ЗЕРНО

Картины детства памятью тревожа,
Я вспомнил женщин, сникших на возу,
И было в их руках
зерно похоже
На вдовью неостывшую слезу.

Пустели печи русские к июлю,
И кладбища густели заодно…
И чем-то мне
напоминало пулю
В рядне мешка застрявшее зерно.

Не надо городить каскады формул,
Чтоб доказать, коль истина важна,
Что и сама
Земля имеет форму
Созревшего пшеничного зерна.

Я все законы физики приемлю,
Но есть поправка у меня одна:
Нет,
не колосья держатся за Землю,
А на колосьях держится она!

***

Ветер мечется вдоль прибоя,
В лица волнам
швыряя песком,
То взывает к небу с мольбою,
То бросается в травы
ничком,
И густые зелёные волосы
Непослушными пальцами рвёт,
И охрипшим,
щемящим голосом
Всё зовёт,
зовёт
и зовёт
Неотзывчивую и незримую,
Непонятную как забытьё…
Будто он
потерял любимую,
А не я потерял её…

ПИСЬМО НА БЕРЕГ

Сегодня вы, наверно, в сборе,
Но если тост произнесли…
Не пей, старик, за тех, кто в море, —
Не отрывай нас от земли.
Мы знали ей такую цену,
Которой прочим не познать:
У нас два слова сокровенных
На флоте есть — «земля» и «мать».
Мать — та, что к качке приучала,
Ночами не смыкая глаз.
Земля — нас берегом встречала,
Оберегая в море нас.
Не верь в понятья прописные,
Что дом у нас на корабле, —
Неправда! В море мы — земные,
Морские — только на земле.
Да, мы придём домой не вскоре,
Отвыкнем от земной тиши,
И всё ж не пей за тех, кто в море, —
Размежеваться не спеши!
Конечно, этот тост в почёте
И не списать его в утиль,
А мы… Мы просто на работе,
А до земли пять тысяч миль.
И в случаях необходимых,
Словами не пыля до звёзд,
Мы непременно за любимых
Провозглашаем третий тост.
И вот сейчас, расставив сети,
Собрались за столом как раз
И поднимаем просто третий…
Пусть на земле поддержат нас!

БАЛЛАДА О ШАГАХ

Памяти 1200 гвардейцев,
павших при штурме Кёнигсберга

В полночном свете
По остывшим плитам
Метались полы лиственной пурги…
Вдруг — ветер стих
И чётко
Под гранитом
Я услыхал далёкие шаги.
Глухие,
Постепенно нарастая,
Они прибоем близились ко мне…
Я онемел,
И оторопь святая
Меня пришила намертво к стене.
Неторопливо,
Но и не устало,
Размеренно —
Не сбиться чтоб с ноги —
От серого подножья пьедестала
Текли безостановочно шаги.
И в тишине,
Разбитой без остатка,
Нестройных звуков ширилась река:
Прошелестела чья-то плащ-палатка,
Прокрался звон пустого котелка.
Шаги…
Шаги,
От них трава пылится,
Шаги ко мне,
По мне,
Шаги во мне…
И вдруг —
Непроницаемые лица
Наметились на каменной стене:
Безусое,
Раскосое,

В морщинах,
Небритое,
С повязкой вдоль щеки…
И в такт шагам качаются на спинах
Приросшие к шинелям вещмешки.
Идут отцы,
Идут совсем ребята,
Их губы шепчут:
«Пить!..»
А может: «Жить!..»
За рядом ряд идут,
И автоматы
Ещё дымятся, не успев остыть.
Бесчисленно идут,
Бесповоротно,
За строем строй идут,
За валом вал…
Я жду: вот-вот,
Вот-вот охрипший ротный
Их взмахом остановит на привал.
Они опять коротким обойдутся —
Им долгие привалы не родня, —
Как у костра привычного сойдутся
И сядут вкруг у Вечного огня,
Забудутся —
Другой привал не скоро…
И сразу всем привидится во сне
Высокий город,
Многоокий город,
Плывущий в полуночной тишине.
А старшине,
Что снял с плеча тальянку
И, не раскрыв, уснул на кулаке,
Почудится: не скатка,
А Светланка
Прильнула к ощетиненной щеке.
Минёр — мальчишка с тёмными глазами —
Опять во сне —
Уже в котором сне! —
В долблёнке правит,

Правит от Казани
По волжской неподатливой волне.
А та сестрёнка…
Некогда сердечной
Присесть,
И не спеша,
Без суеты
Из сумки санитарной бесконечно
Всё тянет надоевшие бинты…
А этот ротный,
Беспокойный ротный,
Которого и дрёма не берёт,
Из всей богатой лексики пехотной
Одно усвоил:
«Гвардия, вперёд!»
Вперёд! Вперёд! —
И не остановиться,
Вперёд!..
И в дымке предрассветной мги
Бесследно тают, растворяясь, лица
И, удаляясь,
Глушатся шаги.
Шаги —
За взводом взвод,
За ротой рота,
Шаги по мостовым
И по мостам,
Шаги до той стены,
До поворота…
И незаметно гаснут где-то там,
Где нет ни остановок,
Ни привала,
Там,
Где уже ни ночи нет, ни дня…
…Редеет мгла.
Рассвет берёт начало,
Крылом коснувшись
Вечного огня.

ПРОЩАНИЕ

Вот и всё.
За плечами мешок вещевой
Да четыре проштормленных года.
Откачался в морях над твоей головой
Голубой парашют небосвода.
Не авралить тебе от зари до зари,
В путь готовясь нелёгкий и дальний,
И на вахту тебя без пятнадцати три
Не поднимет бездушный дневальный.
Не надраивать медь, не стирать простыней,
Выходных не держать на примете, —
Всё, чем жил, чем дышал полторы тыщи дней,
Остаётся за комингсом этим.
Ты простился со всеми — приказ уже дан, —
Честь по чести суконку поправил.
Так зачем же, в руках повертев, чемодан
Ты на палубу снова поставил?
Взялся огон* зачем-то на тросе крепить,
Хоть и так он под маркою жёсткой,
Не спешит…
И не надо его торопить —
Он прощается с юностью флотской.

*Огон — один из способов завязывания постоянной петли на тросе.

ПЕСЕНКА О БЕЛОМ ПАРОХОДЕ

Ты только-только смежила ресницы —
Устала ждать, устала от забот,
И в эту ночь тебе, как в детстве, снится
Морская гладь и белый пароход.
А нынче шторм не тише, чем вчера,
Для нас он не последний и не первый…
Бросается волна на леера,
И леера гудят, как наши нервы.

Грудь океана дышит неустанно,
Седые гребни рвутся к облакам…
Который день не спится океану,
А вместе с ним не спится морякам.
Сегодня шторм не тише, чем вчера,
Для нас он не последний и не первый…
Бросается волна на леера,
И леера гудят, как наши нервы.

Но оторвать нас от земли родимой
Не удавалось никаким ветрам.
Она нам силы придаёт незримо
По точкам и тире радиограмм.
А шторм опять не тише, чем вчера,
Для нас он не последний и не первый…
Бросается волна на леера,
И леера гудят, как наши нервы.

Не скоро океан угомонится,
Не скоро возвращаться наш черёд,
Но пусть тебе всегда ночами снится
Морская гладь и белый пароход.

***

По улицам сонным
Летят и летят
до рассвета
Последние листья,
Последние ласточки лета.

Как чьи-то слова,
Запоздавшие чьи-то
приветы —
Последние листья,
Последние ласточки лета.

Плывут от земли,
На волну соскользнув
с парапета,
Последние листья,
Последние ласточки лета.

Плывут,
отрываясь
Всё дальше и дальше от лета…
Как будто вторая весна
Ожидает их где-то…

***

Ты в дружбе с логикою строгой.
И я не в ссоре.
В чём вопрос-то?
Да, до меня любой дорогой
Добраться — ты права —
Не просто:
Пять тысяч миль,
Четыре ветра,
Сто ливней,
Двести бед на старте…
А до тебя —
Всего полметра,
Я измерял вчера по карте.

«ПО СЕКРЕТУ»

Кто, в каком «высоком кабинете»,
Маску власти на челе храня,
Произнёс слова впервые эти:
«Только не ссылайтесь на меня!..»

И пошли они гулять по свету,
Имена инкогнито черня:
«Призовите имярек к ответу!
Только не ссылайтесь на меня».

Вызвать бы, послушать имярека —
Может, кто-то оболгал его?
Но глядишь — и нету человека,
Был — и нету. Только и всего!

Странно это? Да, конечно, странно,
Что не в те, а в наши времена
Так вот просто, так вот безымянно
И уничтожают имена.

Я и сам влетал в вертушку эту, —
Ох и потревожилась родня!..
Кто меня? Хотите по секрету?
Только не ссылайтесь на меня!..

МАТЬ

Баллада

Волна сбегала пеной с полубака,
Дождем размытый, с неба сполз закат.
Мы в море шли… А он сидел и плакал,
И падали дождинки на бушлат.

Поход я помню ночью окаянной:
Шрапнелью брызги, невтерпеж мороз…
Он шесть часов стоял как деревянный,
Обледенел, но я не видел слёз.

…Он никогда судьбой балован не был —
В войну осиротел, без дома рос,
Не спал в тепле, не ел досыта хлеба,
Но у него никто не видел слёз.

Шатался в поездах по свету белу,
Слепым бродягам грош добытый нёс,
Был бит не раз — за дело и без дела, —
Но у него никто не видел слёз.

И только раз ему сверкнуло счастье:
В конторке станционного села
Уборщица — старушка тётя Настя —
Его к себе однажды привела.

Вдова с войны, из тех, каких немало,
С богатством нерастраченной любви.
Согрела самовар, погоревала,
А утром предложила: «Поживи!»

И он прижился, отошёл, оттаял,
Нехитрое освоил ремесло.
На третий год он домик ей поставил
На выселках: тут — лес, а тут — село.

А срок пришёл — и собрала в дорогу,
На проводы соседей позвала,
Сварила бражку — осень, слава богу,
Ну, словом, проводила как могла.

Он ей писал не редко и не часто:
Служу, мол, не скучаю, жив-здоров…
А как помолодела тётя Настя,
Когда пришла посылка на Покров!

Уж обошла с подарком всех соседей.
«Не полушалок, прямо благодать!..
Вот, — говорила, — в отпуск скоро едет…»
Ждала. Да, видно, не смогла дождать...

И вот вчера, перед отходом прямо,
С последней почтой на корабль пришла
Без подписи скупая телеграмма,
Три слова: «Тётя Настя умерла…»

…Волна сбегала пеной с полубака,
Давно закат, дождём размытый, сполз.
Мы в море шли… А он сидел и плакал…
Нет, лучше вам не видеть этих слёз!

МЫ ПОМНИМ

Нет, не швартовами мы к берегу привязаны,
Не трап с землёй соединяет нас.
Мы полной мерой оплатить обязаны
Тревоги и надежды тысяч глаз,
Которые за милями и далями
На наши фотокарточки глядят,
Которые,
как сильно не устали б мы,
До срока нас не позовут назад.

Глаза отцов, и матерей, и братьев,
Глаза друзей, соклассников, подруг…
Нет, не забыли мы рукопожатий
Их крепких,
честных и надёжных рук.
Они нас на вокзалы провожали,
Пожитки наши скромные несли.
Они в пути-дороги снаряжали,
В сталь одевали наши корабли.

И в дальних,
штормом вспаханных квадратах,
Когда ни дыма, ни огня вокруг,
Мы чувствуем в исхлёстанных бушлатах
Тепло и нежность этих добрых рук.
Сменившись с вахты, часто в дни походов
В сумятице сигналов позывных
Мы узнаём горячий пульс заводов,
И шум лесов, и голоса родных.

Радиограммой известив прибытие,
Сомкнув на картах в сотый раз пунктир,
Привозим мы
не громкие открытия,
А светлый,
без сирен тревоги
мир.

***

А я, представьте, в сказки верю.
Порок? Ну что ж, пускай порок.
Встречает вас трамвай за дверью,
Меня встречает — Горбунок.

Приносит порошки в палату
Не врач, а доктор Айболит.
Не облако плывёт к закату,
А Чудо-юдо Рыба-кит.

В подъезде лампы гасит на ночь —
Свидетель я тому живой —
Не дворник Михаил Иваныч,
А скуповатый Домовой.

Идите в бор в часы ночные,
Когда погаснет небосвод,
И девы тихие лесные
Вас втянут в плавный хоровод.

Иль вдруг немного захмелевший —
Слабинка есть у стариков —
Лукавый, но весёлый Леший
Подбросит вам пяток грибков.

А где-то в синеве безбрежной,
Где вечный сон и вечный снег,
Живёт пусть и не очень снежный,
Но очень нежный человек.

И скоро-скоро, может статься, —
Не зря же по морям брожу, —
Я тень «Летучего голландца»
В рассветной дымке разгляжу.

Да, я, представьте, в сказку верю,
Хоть голова в снегу сполна…
Не на краю земли — за дверью
И начинается она.

ВСЁ ТАК ПРОСТО, И ВСЁ ТАК НЕПРОСТО...

Что-то память мою разбудило.
Может, зря,
А быть может, не зря...
Ты всегда к маяку выходила,
Провожая мой крейсер в моря.
И держал тебя хрупким цветочком
На ладони своей волнолом.
Ты махала, махала платочком,
Словно чайка
махала крылом…
Те же боны, и камни, и крыши,
Так же мол изогнулся дугой,
Но никто провожать нас
не вышел —
Я другой,
да и крейсер другой.
И другие сигналят матросы,
Репетуя на выход «добро».
Всё так просто,
И так всё непросто;
Всё так ново,
И всё так старо…
И когда меня море забудет,
И когда я растаю в дали,
Кто-то — верю я —
Всё-таки будет
Выходить провожать корабли,
Что пройдут по квадратам и точкам,
Где прошли мы когда-то
в былом...
Может, кто-то махнёт им платочком,
Может, чайка махнёт им крылом?
График выхода выдержав точно,
В семь ноль-ноль мы прошли волнолом.
То ли ты
мне махнула платочком,
То ли чайка
махнула крылом?..

***

Может, рано, юность,
брать с тобой развод,
может быть, и память
будоражить рано?
Может, перетрётся,
может, заживёт,
в море от меня
уйдет моя моряна?

Думал — позабуду.
Врылся в толщи книг —
вроде помогает,
вроде полегчало…
Но мелькнул в трамвае
синий воротник —
и опять шальное
память раскачало.

Думал — поостыну.
В глубь кедровых гор
я ушёл с отрядом
комариным летом,
остывал…
Но каждый крошечный костёр
звал меня к тебе
своим маячным светом.

Думал — растеряю я своих годков
и исчезнет море,
как исчезло детство,
но от встреч,
от писем,
от ночных звонков
некуда мне скрыться,
некуда мне деться…

Отслужил тебе я честно
как матрос,
отслужил…
Да, видно, точку не поставил.
То ли слишком много
я тебя унёс,
то ли слишком много
я себя оставил…

ВЕСНА

Как нынче весна хороводит!..
Зачем же задумался я
О том, что всё реже приходят,
Всё чаще уходят друзья?
Пусть память их след освещает —
Немыслима жизнь без потерь…
Но пусть она нам не прощает
И малых ошибок теперь.
Пусть свет нам не застит слезами,
И в самые трудные дни,
Сжав зубы,мы сделаем сами,
Чего не успели они.
Волной крещены — побратимы.
Чем можно святей окрестить?
Коль вдруг себе слабость простим мы —
Они нам не смогут простить.
Они нас окликнут неслышно
Хоть днём, хоть на грани зари:
«Что, значит, салага, не вышло?
А ну слабину подбери!..»
И где только силы достанешь,
Но враз, напрягаясь в струну,
Вдруг вчетверо жилистей станешь
И выберешь ту слабину!..
…Как нынче весна хороводит!..
Зачем же задумался я
О том, что всё реже приходят,
Всё чаще уходят друзья…

ЧАРЫШ

Василию Гришаеву

Чем ты чаруешь, Чарыш,
Чем ты чаруешь?
То ли всерьёз говоришь,
То ль озоруешь?..

Бьёшь в берега бирюзой,
Пеной швыряешь,
То угрожаешь грозой,
То озаряешь,

То под скалою скулишь
Псом одичалым,
То переправы валишь
С хохотом шалым…

Силой натешась вполне
Всласть и в охотку,
Плавно несёшь на волне
Лодку-молодку.

Слушая песню твою,
Струй многострунность,
Юность свою узнаю,
Буйную юность.

Руки в тебя погружу,
Как причащаюсь.
И — ухожу. Ухожу.
И — возвращаюсь.

Что ты всерьёз говоришь?
Что озоруешь?..
Чем ты чаруешь, Чарыш,
Чем ты чаруешь?..

ШКОЛА В СРОСТКАХ

Я здесь бываю, признаться, не первое лето
И коридором брожу,
в тишину погружён.
Он меня пристальным взглядом
встречает с портретов.
Внешне как будто бы он
и как будто — не он.
Но на одной фотографии я замыкаюсь:
То же лицо,
только нету суровых морщин.
Здесь он ещё далеко не Василий Макарыч,
Но и не Васька уже,
а Василий Шукшин!
Сбита согласно Уставу
на бровь бескозырка,
И в ироничной улыбке прикушенный рот.
Сдержанный взгляд, не умеющий бегать и зыркать,
И золотые — на ленточке —
буквы «Балтфлот».
Он мне такой почему-то особенно дорог,
Я вот такого его для себя и сберёг.
Он от большого писателя и режиссёра
Здесь, как от славы,
ещё бесконечно далёк.
Он и не знает ещё, как коварен и труден
Путь,
что ему начертала шальная судьба.
В нём ещё только рождается дерзкий Прокудин,
Бродит по-разински
буйная голь-голытьба.
Всё впереди…
Долго после последнего акта
Будут юпитеры сцену пустую слепить…
А для меня —
он сменился с отчаянной вахты
И неизвестно,
кому на неё заступить…

ВЕРНОСТЬ

Николаю Рубцову, Георгию Зыкову

Рано вы уходите, ребята,
разделять исполнивших удел.
Быстрота ли века виновата,
жадность ли до непосильных дел?
Трудности распутиц и распутий
слишком лихо брали вы подчас,
чтоб успеть…
А Родина, по сути,
только-только оперлась о нас,
только ощутили наши плечи
груз святой её больших забот,
и нести их — знали вы — далече,
да своя, мол, ноша не согнёт.
Только не качнуться бы под нею!..
Впрочем, флотских — разве укачать?
Вам бывало трудно,
но труднее
за два сердца — одному стучать.
И представишь в некую минуту:
«Ну а если сам — на полпути…
Что тогда?
Трёхжильному кому-то
за троих
нелёгкий груз нести?»
Нет уж,
мы возьмём своё по штату,
прежде чем отправиться в запас…
Рано вы уходите, ребята,
видно, свято веруете в нас.

ГЛУБИНА

И снова осень у ворот…
И вот уже опять
Пришла пора — настал черёд
Цыплят пересчитать.
Извивы пройденных дорог
На память нанести,
Кого, прикинуть, не сберёг,
Кто сам свернул с пути.
Что сбросить в ворох трын-травы,
Что бережно согреть
И честно — с ног до головы —
Себя пересмотреть.
Не внешне — что там седина
И борозды морщин?
Они в былые времена
Не старили мужчин.
А в глубину — в себя — нырнуть,
До судорог, до дна…
И хорошо, коль сдавит грудь
Тисками глубина.
Потом подняться над собой,
Подняться и суметь
Понять, что завтра будет бой,
А может быть, и смерть.
Пора!
Потом не скажешь, брат,
Что сеча горяча…
Не тяжесть лет,
А тяжесть лат
Касается плеча.

***

Попадало мне в жизни немало,
До отвала порой попадало —
Били вежливо, яростно, грубо,
Били в холоде, били в тепле…
Посчитать, так на теле зарубок,
Что на добром кухонном столе.

Я отца не упомню сердитого,
Но и он временами был лют.
Бил, а после глаголил:
«За битого
Испокон двух небитых дают…»

Может, я потому и не плакал,
И фингалов не прятал своих,
И в жестоких мальчишеских драках
На себя брал законных — двоих.

И теперь жизнь невзгод не скрывает,
Выдаёт мне их мерой двойной.
Говорят, двух смертей не бывает?!
Вот и ладно.
Мне хватит одной…

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ты нас ждала, земля, из странствий,
И,
тыщи миль перемолов,
Пришли мы,
слыша твой пристрастный,
Штормами приглушённый зов.
И ткнулись в тёплые ладони
Разволновавшихся берёз —
Так привечают в отчем доме
Сынов, закончивших покос,
Так дети к матерям приходят —
Как праздники — издалека…
А матери не знают вроде,
Что встреча будет коротка,
А матери столы накроют,
В сторонке тихо посидят…
А после
звёздною порою
На нас, уснувших,
всё глядят,
Глядят — не могут наглядеться
И в толк нас, взрослых, не возьмут:
Для них мы не ушли из детства,
Во что играем — не поймут.
А завтра снова от причала,
Писать почаще нам веля,
Проводят
матери сначала,
Потом
проводит нас земля.

ТРЕТИЙ РАУНД

«Испытай меня, жизнь!..» — воззывал я когда-то,
«Изломай меня, жизнь!..» — чуть не криком кричал,
Так, что пуговиц медь разлеталась с бушлата,
Так, что вздрагивал сонный бетонный причал.

Жизнь мне тихо шептала: «Всему своё время…»
Только разве внимали мы жизни тогда?
И случайных забот легковесное бремя,
Словно с палубы пену, смывала вода.

Мне казалась немереной юная сила!..
Пролетали года как дорожные сны.
А «подарки» тем временем жизнь подносила
То с одной стороны, то с другой стороны.

Самый близкий мой друг обернулся Иудой,
Хоть и клялся не раз: «Ты мне больше чем брат!..»
Не винил я его никогда и не буду —
Сам я выбрал его, значит, сам виноват.

Друга я потерял. Ну а недруг — остался,
Даже в гору полезет, того и гляди!
Я с ним в полную меру пока не сквитался,
Но, как в песне поют: «Всё ещё впереди!..»

Всё ещё впереди! — если даже захочет
Он исчезнуть, во тьме раствориться ночной, —
Грянет день, светлый день — бой ещё не окончен.
Всё ещё впереди! Третий раунд — за мной!..

***

Я в забое души.
Я отсюда даю на-гора
Всё, что сердце отбойное
В недрах её высекает:
Слитки мыслей и чувств,
Согревающий уголь добра,
Изумрудинки счастья —
Они так нечасто мелькают!..

Я в забое души
Натыкаюсь на глыбы обид,
Скользко липнет к лицу
Паутина полуночных сплетен,
Чьей-то подлости тень
Впереди неотступно рябит,
Чьей-то пошлости пена
Плывёт по стене постепенно.

Я в забое души.
Отдираю старательно грязь,
Ту, что годы и люди случайные
В ней отложили.
Мне придётся не раз
И остыть, и устать, и упасть,
Прежде чем доберусь
К самой главной своей,
Только мне предназначенной жиле.

Время, стрелки свои
Беспощадные останови!
Я спешу. Я успею!
Одно меня только смущает:
Вдруг до срока сгорит
Алладинова лампа любви,
Та, что каторжный труд мой
И ночью и днём освещает.

ДРУГУ

Э. С.

Мы с тобою добреем,
А значит — стареем.
И не сразу, не вдруг,
Не вот-вот — постепенно,
Как спички к дождю,
Отсыреем,
Жизнь тогда и подаст на развод.

Что ж, ты ей не откажешь,
Раз пора — так «завяжешь»,
Врозь так врозь,
По-мужски, без финтов…
Разве только в сердцах
На прощание скажешь:
«Чёрт с тобой, уходи, я — готов…»

Только страшно,
Когда по последней пороше
Жизнь проводит тебя за порог
И вздохнёт:
«Вроде парень он был и хороший,
А вот дела закончить не смог…»

СНЫ

1

Мне приснилось…
Грозно тучи шли,
Море нагоняло вал за валом,
Грянул гром — и разом корабли
Все до одного с концов сорвало.
Я один по берегу мечусь —
Как мне быть?
Ведь я за них в ответе!
К ним придут команды на рассвете —
Как отвечу?
Чем я расплачусь?..
Мачты, мачты тянутся ко мне,
А горбатый вал их в море сносит!..
Вот уже остались на волне
Только чоки рей да пены проседь…

Я никак не мог открыть глаза.
А открыл — мне так свободно стало.
Сон свой страшный сыну рассказал —
Всё подробно, с самого начала.
…Тучки по глазам его прошли,
И спросил он,
Поразмыслив малость:
— У тебя украли корабли…
Ну а море у тебя осталось?

2

Опять вскочил в поту,
кошмарным сном измотан:
мы были на борту,
а за бортом был кто-то.
В прожекторном луче
видением без плоти
у гребня на плече
летел вертлявый плотик.
А те, кто был на нём,
к спасенью не взывали, —

как будто под огнём
друг друга прикрывали.
Сплелись в один клубок,
и шторм не мог разнять их…
Не приведи вам бог
побыть в таких объятьях!..
Когда в конце концов
мы их на борт подняли,
пять дюжих молодцов
их кое-как разняли.
Лишь к первому из них
душа вернулась в тело —
он про друзей своих
спросил нас первым делом.
Потом спросил второй,
на третьи сутки — третий…

Мы познаём порой
друзей на грани смерти.
И в день, и в час любой
мы их не забываем…
Других прикрыв собой, —
себя мы прикрываем,
себя, от волн и тьмы
укрытые бортами, —
нередко в жизни мы
меняемся местами.

…Проснулся я в поту
и вспомнить зря пытался:
то ль я был на борту,
то ль на плоту метался?..

ПРОВОДНИК

Николаю Черкасову

Догорает головня,
Сон на землю пал.
Проводник, буди меня —
Кончился привал!

Ничего, что наш костёр
Догорел дотла,
Ничего, что между гор
Затаилась мгла.

Ничего, что впереди —
Оползни да снег.
Ты веди меня, веди,
Добрый человек.

Стыло, моросно, темно,
Сапоги скользят —
Нам с тобою всё равно
Нет пути назад.

Долго нам ещё идти
Вверх — на перевал,
Чтобы тех следы найти,
Кто до нас бывал,

Кто оставил соли горсть,
Сухарей запас,
Нам — догнать их не пришлось,
Им — дождаться нас.

Проводник, там нет пурги,
Там светло… И всё же
Сухарей прибереги,
Да и соли тоже.

Там — свод неба голубой,
Снег с прозрачным хрустом…
Отдохнём мы там с тобой
Перед долгим спуском

В край, где всё укрыл ледник —
Не окинуть взглядом…
Погоди, мой проводник,
Не спеши, не надо!..

ХРАМ ПОБЕДЫ

И небосвод в тот горький миг качнётся.
Сама ещё не излечась от ран,
Моя Земля по-вдовьи содрогнётся,
Когда уйдёт последний ветеран.

Ей принимать привычно злые муки,
На ней немало разыгралось драм…
Наверное, притихнут даже внуки,
Когда уйдёт последний ветеран.

Но мы его в наш сложный век восславим,
На радость и на зависть всем мирам! —
Мы на Земле пресветлый храм поставим,
Когда уйдёт последний ветеран.

Нет, слава не уйдёт за ним по следу
И память не уйдёт за ним вослед.
Он сам себе поставил Храм Победы, —
Святей и выше храма в мире нет!

***

Не нарушайте,
бога ради,
Времён затейливую вязь, —
Не рвите
старые тетради,
Не прерывайте с прошлым связь.
Пусть сыновьям,
вослед идущим,
Дорога выпадет своя.
Связь с прошлым,
как и связь с грядущим, —
Живые крылья бытия!

СОБАЧЬЯ СМЕРТЬ

Мы судим всё категорично строго
И, пряча подлеца в земную твердь,
Мы говорим: «Отмучил, слава Богу,
Собаке, — говорим, — собачья смерть!..»

Прости нас, грешных, бедная собака, —
Злой человек понять тебя не смог.
Ты умирать, чтобы никто не плакал,
Бежишь подальше от людских дорог.

И о тебе все забывают вскоре,
Других щенков несут себе в дома…
Собачью радость и собачье горе
Несёшь с собою хоронить сама.

А мы глупей, мы злей тебя, собака,
И мы, кончая свой недолгий век,
Хотим, чтоб рядом с нами плакал
И горевал родной наш человек.

Мы любим говорить, что ближних любим, —
Я в это верю разве что на треть
И, относясь с любовью к близким людям,
Хочу собачьей смертью умереть.

***

А я учусь развязывать узлы,
Тугие, как дубовые стволы,
И мягкие, как речи похвалы,
И скользкие — из сплетен и хулы!..

А раньше не развязывал — рубил.
А раньше сам завязывать любил —
Не зло, а просто от избытка сил,
Не знал, что людям боли приносил.

И вот теперь в крутом разгоне дней
Развязывать узлы мне всё трудней.
А жизнь их вяжет туже и сложней,
Но мне необходимо ладить с ней.

Она мне шепчет, дескать, люди злы,
И зря ты, парень, напрягаешь плечи,
Чтоб развязать,
                распутать все узлы
Идей,
        страстей,
                судеб,
                противоречий…

ПОСЛЕДНЕЕ МОРЕ

Виктору Конецкому

Ну что же?
Всё правильно.
Лоцман уже на руле,
И чайки на гребнях кричат,
Лапы красные моя.
Последнее море
меня возвращает
земле.
Последнее море,
моё бессердечное море.
Ну что же?
Всё верно.
Я много земле изменял,
И только она мне,
бессонная,
не изменяла.
Я выбрал последний,
тяжёлый,
как исповедь,
трал,
Но мало мне трала,
и моря мне,
чёрт возьми, мало!..
А всё-таки
надо когда-то
сойти и уйти
И не оглянуться
на это бездушье немое.
Прости меня, море,
не знаю за что,
но прости.
Последнее море...
Неужто
последнее
море?!

***

Завидую от жажды поседевшему
Шофёру, заплутавшему в песках.

Завидую дороги одолевшему
Геологу с удачею в руках.

Завидую морским в зюйдвестках демонам,
Оставившим полмира позади.

Завидую лежащему над Неманом
Солдату с обелиском на груди.

Завидую студенту на зачёте,
В проекте покорившему реку,

Уставшему в космической работе,
Обнявшему планету земляку...

Не верю я, что ветер жизни выдует
Из сердца зависть вдоль и поперёк.

Завидую!.. А где-то мне завидует
Рисующий корабль паренёк.

НЕОКОНЧЕННАЯ ПАРТИЯ

…И было сражение в самом азарте:
ход белых — и чёрным каюк.
От сна, домино, неоконченных партий
позвал нас динамик на юг.

К полуночи стрелки часов приближались…
В каюте, оставшись одни,
не белые с чёрными лихо сражались —
со штормом боролись они.

Каюту валяло то вправо, то влево —
ползли мы по курсу, не шли…
Сначала легли на доске королевы,
потом полегли короли.

Свалились слоны, как слоны — без агоний —
накрыли квадраты свои…
Цепляясь копытами, падали кони.
Скользя, подрывались ладьи.

То с левого края, то справа без спешки
срывались фигуры с доски…
И только, столпившись, не падали пешки
законам игры вопреки.

Нет, дело не в том, что толпа — это сила!
С другого зайдите конца:
тем пешкам с рождения выдано было
немножечко больше свинца…

***

Было это по всем временам,
И теперь времена утверждают:
Славу или бессмертие нам
Люди, а не суды присуждают.

Был давно протопоп Аввакум
Осуждён в высочайшем синоде.
Но в затворе, упрям и угрюм,
О народе писал, о свободе.

Где он, тот высочайший синод?
Что мы знаем об этом синоде?
Протопоп Аввакум всё живёт:
Был с народом — остался в народе.

Сколько раз был Вийон осуждён
Инквизиторам тайным в угоду.
Их не стало, но здравствует он, —
Так уж, видно, угодно народу.

Пушкин, Лермонтов… Сколько имён
Осуждённых — идите проверьте.
Знаем, каждый из них осуждён
На людскую любовь и бессмертье.

Вечен времени круговорот, —
Так уж было, так есть и так будет.
И я знаю, что только народ,
А не суд нас народный осудит.

***

Метели над землёй отголосили,
В цвету калина тонет,
как в снегу…
Я Шукшина представить без России,
Как без него Россию,
не могу.

А за селом гармонь вздыхала где-то,
Осенний ветер щёки холодил…
В последний раз
он уходил с Пикета,
Не зная, что в бессмертье уходил…

В поклоне тихом замерли берёзки,
Уснули пчёлы, налетавшись всласть…
Он не придёт,
он не вернётся в Сростки,
Где мать его ждала — не дождалась

И где о нём Катунь истосковалась,
О как она звала его сюда!..
Промчалась жизнь,
как по небу промчалась
Живая, негасимая звезда.

И странные опять приходят люди,
Чтоб посидеть с ним рядом, покурить,
О том, что было,
и о том, что будет,
Неспешно с земляком поговорить.

Метели над землёй отголосили,
В цвету калина тонет,
как в снегу…
Я Шукшина представить без России,
Как без него Россию,
не могу…

***

Я был на ринге.
Мне давно знакомы
удары в торс,
под ложечку,
в висок…
Бил сам
прицельно,
яростно,
весомо
и падал сам
как камень на песок…

Я ринг забросил,
но живу на ринге —
в ударах от зари и до зари —
и, признаюсь,
не в каждом поединке
мне руку поднимает рефери.

Но, отправляя подлеца в нокаут,
и в жёстком клинче, схваченный судьбой,
я должен знать,
что вышел я на правый,
на честный бой,
а значит, вечный бой.

Обидно только, раунд слишком краткий…
Но прежде чем уйти и сдать дела,
я сыну завяжу свои перчатки
и научу, как выйти из угла.

КОРАБЛЬ ДРУЗЕЙ

Если вы с ними встретитесь, часом,
я вам обещаю,
Что они вас с собой,
как однажды меня,
позовут…
Я всё чаще с годами
себя кораблём ощущаю —
Кораблём,
в чьих отсеках
хорошие люди живут.
Да, живут,
хоть иные уже в невозвратном далече —
Как в рассветном тумане
растаяли их паруса.
Но тепло их ладоней
хранят до сих пор мои плечи
И ночами я слышу
негромкие их голоса.
Их подчас прерывает бессонный звонок телефонный:
— Вызывает Хабаровск…
— Одесса…
— Москва говорит…
Я – связной между теми,
кто в Лете сокрылся бездонной,
И кому только-только
шагнуть за порог предстоит.
Все мы — звенья живые
в цепи бытия бесконечной, –
То, что дал мне отец, сыну гены мои донесут…
Суд сыновний страшнее,
чем Страшный,
суровей, чем Вечный,
Тот, в далёких потёмках
придуманный предками суд…
Есть ещё суд друзей.
Я на суд этот выйду без страха.
За полвека меня
не однажды пытала беда.
Но ни разу моя
просолённая потом рубаха
Ближе к телу
рубахи чужой
не была никогда.

На моём корабле
очень разные люди бывали,
Повидать довелось
бунтарей,
и бойцов,
и бичей,
И подонков,
что, часом,
кингстоны в трюм*а*х открывали
И, как крысы, коварно
скрывались во мраке ночей.
Им казалось тогда,
что уже решена моя участь,
Что вот-вот мой корабль совершит
роковой оверкиль,
Но вставали друзья,
и вели мы борьбу за живучесть,
Не считая пробоин,
не меряя пройденных миль…
И под тихую песню
машинного ровного гула
Синевой заливала
воскресший корабль вышина,
И звучали на баке
то колкие шутки Смуула,
То гитара Рубцова,
то хриплый басок Шукшина…
Я спокоен теперь.
Я потерь не ищу.
И находок,
Тех, что раньше манили,
уже почему-то не жду.
Я упрямо иду,
хоть совсем не форсирую хода,
Знаю, ждут меня где-то,
вот я потому и иду…

***

Есть в жизни суд неумолимый,
Суд без вины и правоты,
Суд,
Где судья и подсудимый,
Ответчик и защитник — ты.
И хоть зайдись в беззвучном крике,
Хоть расхлещи кулак о грудь,
Уловками не сбить улики,
Суть суетой не захлестнуть.
Раскаяньем не снять расплаты
За всё,
В чем только ты не прав.
И не раздетый,
А распятый
Лежишь, до крови губы сжав.
Вся жизнь твоя суду понятна —
От колыбели до седин,
И если есть на сердце пятна,
Их выжечь может он один.
И как твой адвокат ни гибок,
Он не поможет,
Не спасёт.
Судья предъявит без ошибок
Твоих ошибок полный счёт.

Не жажду славы я манящей,
Не отстаю,
Не рвусь вперёд,
Но почему тогда всё чаще
Так неотступно,
Так паляще:
«Проснись, — я слышу, — суд идёт!»

ЗАВЕЩАНИЕ

Сын, не будем лукавить:
Жизнь, в сущности, просто химера,
Твердь земная, коль вдуматься, — пепел, а вовсе не твердь…
Говорят, Маяковский крутил барабан револьвера,
Как рулетку с патроном — оставшейся ставкой — на смерть.
Он не сам уходил, а его уводили под ручки,
Чтоб потом голосить: «Ах, к чему этот дикий пассаж!..»
В автоматной истерике дружно зашлись авторучки:
«Наш Гомер!..»
«Наш глашатай!..»
«Бесценный!..»
«Единственный наш!..»
О, двуликость людская!
О, льстивая лютая зависть!
О, жестокость безмерная жаждущих славы вождей!..
Только вспыхнет в саду человеческом новая завязь,
Как хватает секатор селекционер-прохиндей.
Он боится, садовник, вдруг дружно рванутся побеги
За ограду, на волю, —
попробуй их там подстриги!..
Хоть ни сном и ни духом не мыслят они о побеге,
Но — расти, как и все! А иначе расти — не моги!..
Для меня всё равно: что столица, что наша деревня,
И к собратьям своим у меня отношенье своё…
Где расти, как расти — не диктуют друг другу деревья,
Чем кормиться, как жить — не диктует друг другу зверьё.
Образцово я жил?
Я не знаю, как жить образцово.
Жил я так же, как все: в неудачах, успехах, грехах…
Для меня образец —
неразменная доля Рубцова,
Что ловчить не умел ни в себе,
ни в судьбе,
ни в стихах.
Все сравняемся мы непременно в конечном итоге —
Тот, кто славить устал,
тот, кто в жизни от славы устал…
И не всё ли равно — пьедестал тебе сунут под ноги
Или, как табурет, из-под ног отшвырнут пьедестал?..

Я оставлю тебе лишь одно завещанье
как сыну
(Упаду ли мгновенно
иль тихо уйду не спеша):
Никогда
ни пред кем
не сгибай,
мой единственный,
спину, —
Спину ты разогнёшь,
только не разогнётся душа!..

ПРОСТИТЕ!

Я медленно двигался,
то голосил, то немел
и дни не считал, не жалел,
точно воду нёс в сите...
За то, что я раньше
прощенья просить не умел,
простите меня,
ради бога, сегодня простите!
И надо ли спорить о том,
кто был прав, кто — не прав, —
совета у совести собственной лучше спросите.
Не зло, а добро в обнажённую душу вобрав,
простите обиды друг другу,
сегодня простите!
Простите того,
кто вас взглядом-ножом полоснул,
кто зависти горечь годами копил для отмщенья,
кто руку как другу когда-то вам не протянул, —
Простите!
Смотрите, они у вас просят прощенья!
Зачем замыкаем мы наши сердца на замки? —
Им тесно,
им больно,
им лучше друг к другу прижаться!..
Сближаются медленно-медленно материки,
но всё же — сближаются!
Нам кто мешает сближаться?
Отбросим же мелочность наших минутных обид, —
что толку, как камни в душе их носить?
Не носите!
Пусть доброе каждый,
как зёрна к весне, оживит
и каждого встречного тихо попросит:
«Простите!»

«Простите!»,
«Простите!» —
и драки уйдут с площадей.
«Простите!»,
«Простите!» —
и пеплом покроются войны.
«Простите!» —
лавины попросят у нас, у людей,
седые тайфуны уйдут в океан бесконвойно.
О, как — мы увидим! —
вздохнёт облегчённо Земля,
сольются в артерии
улицы,
штрассе
и сити,
далёкий Манхеттен услышит
куранты Кремля...
Простите же, люди,
друг друга,
сегодня простите!

СПАСИБО

Барнаульской школе № 11 в день её 65-летия

Путь мой и ухабист был, и долог.
Я его уже не повторю.
А сегодня снова «здравствуй, школа!»
Будто «здравствуй, мама!» говорю.

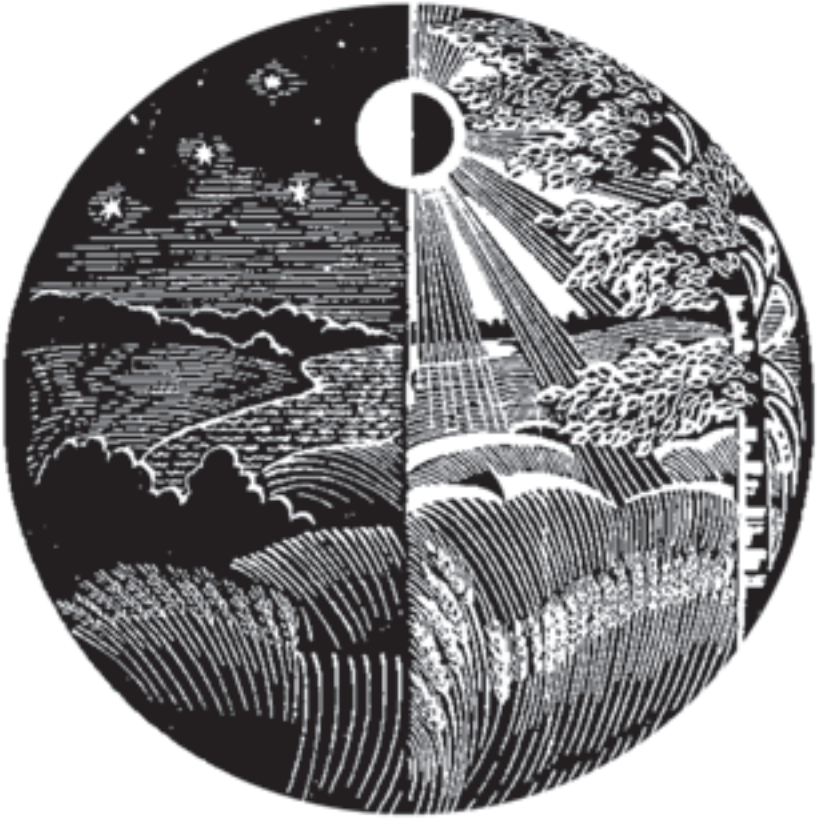
Всякое судьба со мной творила,
Так порой крутила, что держись!..
Не за мной ты двери затворила —
Ты мне двери отворила в жизнь.

Я тебе обязан очень многим.
Ты — мой первый, мой земной причал.
Пролегли в морях мои дороги —
Я о них за партою мечтал.

«Жизнь — борьба!» — заметил классик метко.
Бурь немало на моём счету.
Врать не буду, ты мне снилась редко,
Но тогда, когда невмоготу!

На земле и в дальнем океане,
Где не день за днём — за валом вал,
Я второе открывал дыханье
И, почти поверженный, вставал!

Подтвердить мои друзья могли бы —
Те, с кем встретил не одну зарю,
Что тебе я говорил «спасибо!»
И сейчас «спасибо!» говорю.



ПОЭТ

Поэт на земле неудобен
Всегда,
с незапамятных пор.
Поэт в своей жизни подобен
Потоку,
летящему с гор.
Летит напрямик, не петляя,
Сквозь толщи породы пустой,
Летит,
берега высветляя,
И моет песок золотой…
А если бесформенный камень
Встречь струй его будет стоять,
Он станет веками — веками! —
Из камня
богиню ваять.
И люди, узрев Афродиту
Средь серых гранитных столбов,
Поймут,
что сильнее гранита
Живая, земная любовь.
А в память
о прежнем потоке,
Венчая любви торжество,
Упрямо помчатся потомки
По светлому руслу его...

БЫЛЫЕ ЗДРАВИЦЫ

Поэт Игорь Пантюхов не воевал, но он принадлежит к тому поколению, чьё детство опалено грозным пламенем незабываемых битв. Преемственность боевых традиций отражена во многих его стихах.

Сын моряка Балтийского флота Игорь Пантюхов отдал морю лучшие годы. Будучи старшиной первой статьи срочной службы — на подшефном комсомолу Алтайского края крейсере «Свердлов», — он был принят в Союз писателей России. На всю жизнь море словно отметило его своей печатью, зачислив в штат своих почитателей, а вернее — в число своих работников. Об этом многие стихи Игоря Пантюхова.

И всё же в каждом его стихотворении постоянно присутствует земля.

В своей новой книге «Корабль друзей» он приглашает читателей к раздумьям о цене непреходящих ценностей — Отчизна, Дружба, Верность… У лирического героя стихотворений Игоря Пантюхова беспокойное сердце, потому что «Родина, по сути,/только-только оперлась о нас». Это не только переживание, но и взгляд в будущее с уверенностью, что «мы ещё попишем и попашем,/мы ещё покрутим по земле…».

Михаил Борисов,
Герой Советского Союза,
поэт, член Союза писателей России,
лауреат премии имени А. Фадеева.
Газета «Алтайская правда», 16 декабря 1987 года.

Игорь Пантюхов нерасторжимыми узами связан с Балтикой, с крейсером «Свердлов», на котором служил. Его первый поэтический сборник назывался «Юность в бушлате». В будущем году выйдет десятая книга стихотворений — «Корабль друзей». В этом названии глубокий смысл и ясный символ. Море — его жизнь, хотя он порой вдалеке от него. И поэт не остался одиноким певцом морской романтики. Он свято верен балтийской дружбе, а на его «корабле» не только те, с кем он служил, но и те, кто с его лёгкой руки «заболел» Балтикой, флотом.

Игорь Михайлович — лауреат премии Ленинского комсомола Алтая. Так оценено его личное участие в деле укрепления и развития шефских связей Алтая и Балтики. Мы, журналисты, с особым чувством поздравляем Игоря Михайловича Пантюхова с 50-летием. Ибо одна из страниц его биографии (надеемся, памятная) занята «Молодёжкой» — на страницах нашей газеты публиковались его первые стихи. Так что в большое поэтическое плавание увёл он свой корабль от наших берегов.

Сегодня мы публикуем стихи из его нового сборника и дружно желаем: семь футов под килем!

От редакции газеты «Молодёжь Алтая»,
18 декабря 1987 г.

БОЛЬШЕ ЧЕМ ПОЭТ-МАРИНИСТ

Поэт Игорь Пантюхов кроме флотской темы творчески освоил и другие — войны и труда, например. Конечно, для него важны не столько темы и события, сколько характеры и чувства, сформировавшие судьбы представителей разных поколений нашей страны.

Известно, что и Василий Шукшин, и Владимир Свинцов, и Игорь Пантюхов служили на флоте. При этом жизнь свою каждый вершил вполне определённо: флотское — это лишь эпизод, равно как эпизод работы — на заводе (Шукшин), на стройке (Свинцов), на целине (Пантюхов)…

И всё же читатели числят Игоря Пантюхова в поэтах-маринистах, равно как и все его флотские друзья, имеющие и не имеющие отношения к литературе, поскольку есть о чём вспомнить и чем доказать. Сам он ничуть не возражал им, тем более что у него есть профлотская стезя и в гражданской жизни — укрепление дружбы и сохранение традиций служивших на подшефном Алтайскому краю крейсере «Свердлов» и на других флотах, инициатива в присвоении новой улице Барнаула названия Балтийской и др. Он гордился своим правом — в приличествующие случаи облачаться в форму капитана третьего ранга **(см. фото на страницах обложки)**. Флот для него — одна из страниц в книге жизни, отпечатанная качественно и полноцветно — с кровью и потом, как говорится, прожитая.

Этими размышлениями о жизни и творчестве поэта Игоря Пантюхова я кратко отозвался о книге его избранных стихотворений «Окончания наших разлук». Мы представили его в главной ипостаси — талантливого лирического поэта.

Нам в помощь — былое общение с ним, пусть не частое и не близкое (всё-таки разница в возрасте, да и мы не служили на флоте), в течение последних 20 лет. Нам в помощь и мнение его вдовы — Татьяны Михайловны, и советы его друга — Виталия Александровича Сафронова.

Игорь Пантюхов не только больше чем поэт-маринист, он больше чем поэт, если внимательно познакомиться с его биографией: руководил региональными организациями Союза писателей России — Калининградской области и Алтайского края, главный редактор журнала «Алтай»…

Далее тезисно поделюсь своими воспоминаниями.

В течение ряда лет мой школьный товарищ Володя Ботвинов очень завидовал мне, что я запросто знаком — общаюсь! — с самим Игорем Михайловичем Пантюховым. А всё потому, что служил мой одноклассник на крейсере «Свердлов» (1978-1981 гг.), где матросы и офицеры были в курсе его истории, походов, достижений, традиций. Более того, они уважали матроса и офицера, журналиста и поэта Игоря Пантюхова. «Свердловцы» гордились им как старшим братом и верным другом. Я обещал Володе и Игорю Михайловичу устроить знакомство, но, увы, не сложилось — их маршруты не пересеклись ни на «Свердлове», ни в Барнауле…

Читатели признательны Игорю Пантюхову за то, что он не разговоры разговаривал, а дело сделал — составил и подготовил к изданию коллективный сборник стихотворений «Непросто говорить о Шукшине» (Алт. кн. изд-во, 1989 г., 96 стр., 8000 экз.), о работе над которым я провёл с ним интервью для читателей популярной тогда газеты «Молодёжь Алтая». Далее, замечу, в 1991 году он дополнил этот сборник в содружестве с поэтом Геннадием Пановым (Алт. кн. изд-во, 1991 г., 160 стр., 5000 экз.).

Если бы Игорь Пантюхов был мне неинтересен как поэт и общественный деятель (он не только член Союза писателей России — с 1964 г., но и заслуженный работник культуры России — с 1998 г.), я бы не приглашал его многажды в свою программу «В центре внимания» (барнаульское сетевое радио «Роса», 1995–2000 гг.), а затем, тоже как интервьюер, на страницы газет «Алтайская правда» и «Вечерний Барнаул».

Мы опубликовали подборку его стихотворений в №4 журнала «Барнаул» 2007 года — тем самым от читательского и писательского сообщества поздравили поэта с житейским 70-летием (к сожалению, та публикация оказалась последней), а затем подборку для №1 «Барнаула» 2010 года — в связи с горестной годовщиной…

Представляем русского поэта Игоря Пантюхова читателям XXI века. Испытание временем называется. Без пантюховского творчества литературная карта России неполная.

Валерий Тихонов.

Содержание

Новые встречи с поэтом. Предисловие В. Сафронова 3
Мой учитель 8
«Давай я тебя нарисую…» 9
«Нет, не вернусь я больше во вчера…» 10
Почти новогоднее 11
Первый шторм 12
Хлеб 14
К лунным морям 15
В дальнем квадрате 16
Вино любви 17
Наше летоисчисление 18
«Обернулось былое – небылью…» 19
«Ты знаешь, как солнце встаёт в океане?..» 20
Критикам В. М. Шукшина 22
Морю 23
«Что же в этом мире изменилось?..» 24
«Солнце только что встало…» 25
Картина 26
Ты послушай!.. 27
«Между двух задумавшихся клёнов…» 28
«Говорят, от слёз рыбачек…» 29
Море 30
«Несётся жизни голубой экспресс…» 32
«Я на холодной палубе лежал…» 33
Жетон «За дальний поход» 34
Бунт 35
К морю 36
Камень у дороги 38
Зерно 40
«Ветер мечется вдоль прибоя...» 41
Письмо на берег 42
Баллада о шагах 44
Прощание 47
Песенка о белом пароходе 48
«По улицам сонным…» 49
«Ты в дружбе с логикою строгой…» 50
«По секрету» 51
Мать 52

Мы помним 54
«А я, представьте, в сказки верю….» 55
Всё так просто, и всё так непросто… 56
«Может, рано, юность…» 58
Весна 60
Чарыш 62
Школа в Сростках 63
Верность 64
Глубина 66
«Попадало мне в жизни немало…» 67
Возвращение 68
Третий раунд 69
«Я в забое души…» 70
Другу 71
Сны 72
Проводник 74
Храм Победы 76
«Не нарушайте, бога ради…» 77
Собачья смерть 78
«А я учусь развязывать узлы…» 79
Последнее море 80
«Завидую от жажды поседевшему…» 82
Неоконченная партия 83
«Было это по всем временам…» 84
«Метели над землёй отголосили…» 85
«Я был на ринге…» 86
Корабль друзей 88
«Есть в жизни суд неумолимый…» 90
Завещание 92
Простите! 94
Спасибо 96
Поэт 98
Былые здравицы 99
Больше чем поэт-маринист. Послесловие В. Тихонова 100

Литературно-художественное издание

Игорь Михайлович

ПАНТЮХОВ

Окончания наших разлук

Избранные стихотворения

Редакторы-составители —
В. Е. Тихонов, С. Е. Клюшников.
Редакторы-рецензенты —
Т. М. Пантюхова, В. А. Сафронов.
Набор и корректура — О. В. Тихонова.
Вёрстка и оформление — А. В. Горчакова.

Подписано в печать — 4.10.2012 г.
Формат 60 x 84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Swift»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 7. Заказ № 8740.
Тираж — 1000 экз.

Отпечатано в ОАО «ИПП «Алтай»
656049, г. Барнаул, ул. Короленко, 105